

Посвящается Лорне и Наоми

Часть первая

*Лондон,
24 июля 1930 года*

Глава 1

Стояло лето 1923 года, в то лето я вопреки желанию тетушки, мечтавшей, чтобы я вернулся в Шропшир, приехал из Кембриджа в столицу и снял маленькую квартирку в Кенсингтоне, в доме номер 14-б по Бедфорд-Гарденз. Сейчас я вспоминаю эти три месяца как самое чудесное время моей жизни. После нескольких лет, проведенных в окружении сверстников — сначала в школе, потом в Кембридже,— я получал огромное удовольствие от уединения. Наслаждался прогулками по лондонским паркам, тишиной читального зала библиотеки Британского музея, часами бродил по улицам Кенсингтона, строя планы на будущее, останавливался ненадолго, чтобы полюбоваться фасадами домов, увитых, даже в самом центре города, плющом и другими ползучими растениями.

Именно во время одной из таких бесцельных прогулок я совершенно случайно встретил старого школьного приятеля Джеймса Осборна и, выяснив, что мы соседи, пригласил его зайти ко мне, когда он в следующий раз окажется рядом с моим домом. Хотя к тому времени я еще ни разу не принимал гостей в новой квартире, приглашение высказал без всяких сомнений, поскольку к выбору жилья отнесся с полной ответственностью. Арендная плата была невысока, но квартира оказалась обставлена хозяйкой со вкусом и пробуждала воспоми-

нения о размеренной викторианской эпохе. В гостиной, первую половину дня залитой солнцем, стояли старинная софа, два уютных кресла, антикварный буфет и дубовый книжный шкаф, набитый ветхими энциклопедиями, причем каждая, вне всяких сомнений, заслужила бы одобрительное внимание любого образованного человека. Более того, вселившись в квартиру, я почти сразу же отправился в Найтсбридж и приобрел там чайный сервиз эпохи королевы Анны, несколько пачек превосходного чая и большую жестяную коробку печенья. Вот почему, когда через несколько дней Осборн действительно зашел ко мне утром, я смог угостить его и держаться при этом так, что Джеймс ни в коем случае не мог догадаться, что он мой первый гость в этом доме.

С четверть часа Осборн, не присев ни на миг, бродил по гостиной, расточая комплименты по поводу обстановки, пристально все рассматривая, то и дело выглядывая из окон и живо комментируя происходящее внизу. Потом он плюхнулся на софу, и мы смогли наконец поведать друг другу новости из собственной жизни и жизни наших школьных товарищей. Помнится, какое-то время мы посвятили обсуждению деятельности рабочих профсоюзов, после чего перешли к долгой и приятной беседе о немецкой философии, позволившей обоим продемонстрировать мастерство ведения интеллектуальной дискуссии, коим каждый из нас овладел за время учебы в университете. Затем Осборн снова вскочил и стал мерить шагами гостиную, излагая перспективы своего будущего:

— Знаешь, я подумываю заняться издательской деятельностью: газеты, журналы и прочее. А более всего я хотел бы вести постоянную колонку — о политике и социальных проблемах. Но это в том случае, если не решу сам заняться политикой. Слушай, Бэнкс, а ты что,

в самом деле не знаешь, чем бы хотел заняться? Ты только взгляни: здесь все к нашим услугам. — Он сделал жест в сторону окна. — Наверняка какие-то планы у тебя есть.

— Не буду отрицать, — ответил я с улыбкой. — Две-три мыслишки бродят у меня в голове. Когда-нибудь я тебе о них поведаю.

— Зачем откладывать? Ну давай, давай признавайся! Я все равно от тебя не отстану!

Но я не стал с ним откровенничать, и мы снова заговорили то ли о философии, то ли о поэзии, то ли еще о чем-то подобном. Около полудня Осборн вдруг вспомнил, что договорился пообедать с кем-то на Пиккадил-ли, и начал собираться. Уже на пороге, обернувшись, он сказал:

— Послушай, старина. Сегодня намечается веселая вечеринка в честь Леонарда Эвершотта — ну, того самого воротилы, знаешь? Устраивает ее мой дядя. Понимаю, что делаю приглашение слишком поздно, но, может, захочешь зайти? Я вполне серьезно. Знаешь, давно собирался заглянуть к тебе, да все как-то не оказывался рядом. Вечеринка состоится в «Чарингворте».

Поскольку я ничего не ответил, он добавил:

— Я подумал о тебе, потому что помню, как ты, бывало, безжалостно пытал меня по поводу моих «связей». Ой, только не надо! Не притворяйся, будто забыл! Я отлично помню, как ты мучил меня расспросами, что значит иметь «хорошие связи». Так вот: полагаю, теперь старине Бэнксу как раз представляется случай воочию увидеть, что такое «хорошие связи». — Он тряхнул головой и пожал плечами. — Господи, в школе ты был такой чудной!

Думаю, именно в тот момент я решил принять приглашение Осборна на вечеринку, оказавшуюся, как выяснилось впоследствии, гораздо более интересной, чем

я мог предположить, и проводил его к выходу, ничем не выдав обиды, которую почувствовал при его последних словах.

Вернувшись в гостиную и снова усевшись на софу, я испытал еще большее раздражение, поняв, что именно имел в виду Джеймс. Дело в том, что в школьные годы об Осборне ходили слухи как о человеке «со связями». Когда бы речь ни заходила о нем, эту тему затрагивали неизбежно, и наверняка я сам не раз повторял это выражение. Меня действительно интриговало то, что он был неким загадочным образом связан с какими-то высшими сферами, хотя ни внешним видом, ни поведением ничуть не отличался от остальных. Тем не менее мне трудно было представить, чтобы я, как он выразился, «безжалостно пытал» его по этому поводу. Да, я немало размышлял над этим предметом в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, но в школе мы с Осборном никогда не были особенно близки, и, насколько мне помнилось, я лишь раз заговорил с ним на подобную тему.

Это случилось туманным осенним утром. Мы сидели вдвоем на низкой каменной стене, окружавшей сельскую гостиницу. Кажется, мы учились тогда в пятом классе и ожидали, когда из тумана на противоположной стороне поля появятся бегуны. Мы должны были указать им дальнейшее направление кросса — вдоль раскисшей грунтовой дороги. До предполагаемого появления участников забега еще оставалось время, и мы непринужденно болтали. Уверен, именно тогда я и спросил Осборна о его «связях». Осборн, бывший, несмотря на бурный темперамент, человеком по натуре скромным, попытался уклониться от вопроса, но я не отставал от него, пока он в конце концов не сказал:

— Да выкинь ты это из головы, Бэнкс! Все это ерунда, не о чем тут думать. Просто я кое с кем знаком. У меня есть родители, дядюшки, друзья семьи. Не понимаю, что в этом необычного.— Но, сообразив вдруг, что сказал что-то не то, он осекся и, повернувшись, тронул меня за руку.— Прости, старина, мне чертовски неловко, это было ужасно бестактно с моей стороны.

Похоже, наш разговор смутил Осборна гораздо больше, чем меня. Не исключено, что, приглашая меня на вечеринку в клуб «Чарингурт», он хотел в некотором роде загладить вину. Впрочем, как я уже сказал, в то туманное утро я был уязвлен не его, надо признать, и впрямь необдуманным высказыванием, а тем фактом, что мои школьные приятели, всегда готовые подшучивать над чем угодно, впадали в торжественную серьезность при любом упоминании о том, что у меня нет родителей. Однако, как бы странно это ни казалось, отсутствие родителей — а в сущности, и вообще какой бы то ни было родни, если не считать тетушки из Шропшира,— к тому времени давно перестало меня огорчать. Как я неоднократно указывал своим приятелям, в учебном заведении, подобном нашему, мы все научились обходиться без родителей и мое положение не было особенным. Тем не менее теперь, оглядываясь назад, я нахожу вполне вероятным, что отчасти мой интерес к «связям» Осборна объяснялся именно полным отсутствием у меня самого каких бы то ни было связей в мире за пределами школы Святого Дунстана. Я полностью отдавал себе отчет, что когда-нибудь мне придется самому налаживать такие связи и самостоятельно прокладывать жизненный путь. И мне казалось, что от Осборна я смогу узнать нечто чрезвычайно важное о том, как это делается.

Однако, упомянув о том, что меня немного покоробили последние слова Джеймса, я имел в виду вовсе не то, что он вспомнил, как я «допрашивал» его много лет назад. Скорее, дело было в его небрежно оброненном замечании, будто я был в школе «таким чудным».

Признаться, я так и не смог понять, почему Осборн это сказал. Как подсказывала мне память, я прекрасно вписывался в рутинную школьную жизнь. Даже в первые недели пребывания в школе Святого Дунстана я, кажется, не допустил ни единой оплошности, которая могла бы поставить меня в неловкое положение. С самого первого дня я внимательно изучал манеры учеников: как они стоят, как разговаривают, как засовывают правую руку в жилетный карман, как подергивают левым плечом, словно желая подчеркнуть отдельные высказывания. Отчетливо помню, как начал подражать им, стараясь, чтобы никто из мальчиков не увидел ничего странного в моем поведении и не начал подшучивать надо мной.

С такой же охотой я быстро усвоил и другие жесты, обороты речи и словечки, популярные среди моих одноклассников, а равно и более существенные правила этикета, установившиеся в моем окружении. Разумеется, я весьма быстро сообразил, что не стоит — как я обычно делал в Шанхае — открыто излагать свои взгляды на способы расследования мелких преступлений. Более того, когда на третий год моего пребывания в школе там произошла серия краж и все поголовно играли в сыщиков, я тщательно следил за тем, чтобы мое участие не выходило за рамки игры. И несомненно, эхом тех моих привычек следовало объяснить нежелание раскрывать свои планы Осборну в то утро, когда он навестил меня.

Однако могу припомнить минимум два случая из школьной жизни, свидетельствующие о том, что, несмотря на всю осторожность, я, должно быть, как-то ослабил бдительность и невольно выдал свои честолоубивые мечты. Даже в то давнее время я был не в состоянии объяснить эти эпизоды.

Первый из них произошел во время празднования моего четырнадцатилетия. Тогдашние мои лучшие друзья Роберт Торнтон-Браун и Рассел Стэнтон пригласили меня в сельскую чайную, где мы обычно лакомились пшеничными булочками и пирожными с кремом. День был дождливый, субботний, и все остальные столики оказались занятыми. Каждые несколько минут в чайную входили новые промокшие до нитки посетители, которые недовольно смотрели в нашу сторону, словно давая понять, что нам следует немедленно освободить для них место. Однако хозяйка чайной, миссис Джордан, всегда, а не только в тот мой день рождения гостеприимно привечала нас, так что мы чувствовали себя в полном праве занимать лучший столик в нише у окна с видом на площадь. Я не слишком хорошо помню, о чем мы говорили, но, когда наелись до отвала, мои приятели обменялись взглядами и Торнтон-Браун, достав из ранца, протянул мне подарок в яркой упаковке.

Начав разворачивать бумагу, я быстро понял, что подарок был обернут множеством слоев, и приятели мои взрывались радостным смехом каждый раз, когда я снимал очередной лист бумаги, чтобы обнаружить под ним следующий. Все шло к тому, что в конце концов я найду внутри что-нибудь смешное. На самом деле под многочисленными обертками оказался твердый кожаный футляр. Расстегнув крохотный замочек и подняв крышку, я увидел увеличительное стекло.

Вот оно передо мной. За прошедшие годы его вид перенес некоторые изменения, хотя лупа уже тогда производила впечатление довольно старой. Помню, я сразу отметил это, так же как и то, что она обладала большой разрешающей способностью, была на удивление тяжелой и ее рукоятка из слоновой кости треснула с одной стороны. Что я заметил не сразу — для этого понадобилось другое увеличительное стекло, — так это выгравированную на рукоятке надпись, свидетельствующую о том, что лупа изготовлена в Цюрихе в 1887 году.

Первой реакцией на подобный подарок стало неудержимое возбуждение. Я схватил лупу, сдвинув в сторону устилавшую весь стол яркую бумагу — подозреваю, часть листов в порыве энтузиазма я даже сбросил на пол, — и немедленно приступил к разглядыванию крохотных масляных пятнышек на скатерти. Занятие это настолько увлекло меня, что я почти не слышал, как мои друзья громко смеялись. Они были довольны, что их шутка удалась. К тому времени, когда я, придя наконец в себя, поднял голову, они оба неловко молчали. И именно тогда Торнтон-Браун, издав робкий смешок, сказал:

— Мы подумали: раз ты собираешься стать сыщиком, тебе это пригодится.

В тот момент я быстро овладел собой и сделал вид, будто все это лишь забавный розыгрыш. Но полагаю, мои друзья и сами уже были смущены своей шуткой, так что в оставшееся время, проведенное в чайной, нам так и не удалось возобновить непринужденное веселье.

Как я уже сказал, лупа сейчас лежит передо мной. Она пригодилась мне при расследовании дела Мэннеринга, я пользовался ею и совсем недавно, работая над делом Тренора Ричардсона. Возможно, увеличительное стекло и не самый важный атрибут снаряжения сыщи-

ка, как принято считать, но оно остается весьма полезным инструментом для сбора определенного рода улик, и надеюсь, что подарок Роберта Торнтон-Брауна и Рассела Стэнтона не раз еще послужит мне. Глядя на него сейчас, я думаю: если одноклассники намеревались тогда подразнить меня, то теперь шутка в значительной мере обернулась против них самих. Печально, но у меня нет возможности выяснить, что они имели в виду и как, несмотря на все мои предосторожности, им удалось разгадать мой тайный честолюбивый замысел. Стэнтон, приписавший себе в документах несколько лет, чтобы его приняли в армию добровольцем, был убит в третьем сражении при Ипре. Торнтон-Браун, по слухам, умер от туберкулеза два года назад. Так или иначе, но оба мальчика покинули школу Святого Дунстана в пятом классе, и к тому времени, когда я узнал об их смерти, между нами давно уже не было никакой связи. И все же я хорошо помню, как расстроился, узнав, что Торнтон-Браун уходит из школы, — он был единственным настоящим другом, которого я приобрел после приезда в Англию, и я скучал по нему до самого окончания школы.

Второй из двух эпизодов, которые приходят на ум, произошел через несколько лет после того дня. Я был тогда в шестом классе, но многие детали стерлись из памяти. В сущности, я совсем забыл, что было до и после него. Помню лишь, как вошел в класс — в кабинет номер пятнадцать старого монастырского здания, — куда сквозь окна крытой аркады солнечный свет проникал полосками, в которых кружились пылинки. Учителя еще не было, но я, должно быть, чуть-чуть опоздал, потому что все мои одноклассники, собравшись группами, уже сидели — кто на партах, кто на скамьях, кто на подоконниках. Я собрался было присоединиться к

одной из таких групп из пяти или шести мальчишек, когда вдруг все они, обернувшись словно по команде, уставились на меня, и я понял, что говорили обо мне. Не успел я произнести ни слова, как один из мальчиков, Роджер Брентхерст, указав на меня пальцем, сказал:

— Только он, конечно, ростом не вышел для Шерлока.

Кто-то засмеялся — не скажу, чтобы недоброжелательно, — вот и все. Я никогда больше не слышал разговоров, касающихся моего стремления стать «Шерлоком», но догадывался, что тайна моя выплыла наружу и стала предметом обсуждения у меня за спиной.

Необходимость хранить в секрете намерения, касающиеся будущей профессии, я осознал задолго до приезда в школу Святого Дунстана. Попав в Англию, несколько недель я в основном занимался тем, что бродил в мокрых зарослях папоротника на выгоне вблизи дома тети в Шропшире и по ролям разыгрывал пьески, которые мы с Акирой придумывали вместе в Шанхае. Разумеется, теперь, оставшись один, я был вынужден исполнять и все его роли; более того, отдавая себе отчет в том, что меня могут увидеть из дома, я благоразумно ограничивал свою жестикуляцию и текст бормотал тихо, себе под нос, — прямо противоположно той раскованной манере, в которой привык прежде играть с Акирой.

Подобная предосторожность с моей стороны, однако, была истолкована неверно. Однажды утром, сидя в маленькой мансарде, где меня поселили, я услышал, как тетка разговаривает в гостиной с кем-то из друзей. Мое любопытство возбудило то, что взрослые внезапно понизили голоса, и уже в следующий миг я оказался

на лестничной площадке, где, скрючившись и свесившись через перила, слышал, как тетя рассказывала:

— Он бродит один часами. Едва ли мальчику его возраста полезно для здоровья вот так погружаться в свой внутренний мир. Ему нужно привыкать думать о будущем.

— Но его поведение естественно,— отвечал ей кто-то.— После всего, что с ним произошло...

— Однако самокопание ничего ему не даст,— возражала тетя.— Он хорошо обеспечен, в этом смысле ему, можно сказать, повезло. Пора браться за ум. Я хочу сказать, что настало время кончать со всем этим самоанализом.

С того самого дня я прекратил ходить на выгон и принял меры, чтобы больше никто не заподозрил меня в занятиях «самоанализом». Но я был еще довольно мал и по ночам, лежа в своей мансарде, прислушиваясь к скрипу половиц под ногами тетушки, которая, бродя по дому, заводила часы и навещала своих кошек, часто снова начинал мысленно проигрывать наши старые детективные пьесы так, как, бывало, делали мы с Акирой.

Однако вернусь к тому летнему дню, когда Осборн забрел в мою кенсингтонскую квартиру. Не хочу сказать, что его замечание о том, будто в школе я был «таким чудным», занимало меня долго. На самом деле я в прекрасном расположении духа вышел из дома вскоре после ухода Осборна и спустя некоторое время оказался в Сент-Джеймском парке, где, бродя меж цветочных клумб, со все возрастающим волнением предвкушал предстоящую вечеринку.

Мысленно возвращаясь к тому дню, я поражаюсь, что не испытывал никакой нервозности, хотя имел на то все основания, но глупая самонадеянность вообще